

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 57–64.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2026; 1 (90):57–64.

Научная статья

УДК 94(47).084.6

DOI 10.37724/RSU.2026.90.1.005

Проблемы организации эффективной деятельности ленинградской милиции и способы их решения в 1928–1934-х годах

Илья Сергеевич Ратьковский¹, Дмитрий Владимирович Шориков²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ i.ratkovskij@spbu.ru

² st084931@student.spbu.ru

Аннотация. В статье на основе материалов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) анализируются повседневные потребности и системные проблемы ленинградской милиции в 1928–1934-х годах. По архивным материалам получена информация о различных видах снабжения милиционеров. В ЦГАИПД СПб выявлен большой объем статистических сведений о службе милиционеров (социальная принадлежность, срок нахождения на службе, партийный стаж, данные об увольнениях или взысканиях за различные нарушения как во время службы, так и вне ее). Среди обнаруженных проблем можно обозначить недостаточное обеспечение ресурсами, дефицит кадров, плохую обученность сотрудников, малую площадь служебных помещений и т. д. Рассматриваемые проблемы, хотя и представлены на примере функционирования отдельных подразделений ленинградской милиции, носили системный характер и не могли быть решены окончательно. Они являлись следствием непродуманной и часто поспешной социально-экономической политики, реализуемой в условиях дефицита средств. В статье отмечается разнообразие методов преодоления указанных трудностей, в частности проведение мероприятий по политическому просвещению для сотрудников, что, однако, не имело существенного влияния на дисциплину.

Ключевые слова: индустриализация, Ленинград, ленинградская милиция, преступления по должности.

Для цитирования: Ратьковский И. С., Шориков Д. В. Проблемы организации эффективной деятельности ленинградской милиции и способы их решения в 1928–1934-х годах // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 57–64. DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.005.

Original article

Problems in Leningrad Militia's effective organization and ways of solving them in years 1928–1934

Ilya S. Ratkovsky¹, Dmitry V. Shorikov²

^{1,2} St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹ i.ratkovskij@spbu.ru

² st084931@student.spbu.ru

Abstract. The article, based on materials from the Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb) and the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb), analyzes the daily needs and systemic problems of Leningrad police force in 1928–1934. We highlight the funds of TsGA SPb that contain information about various types of supplies for police officers. In the files of the Central State Archive

of St. Petersburg Police Department, a large amount of statistical data on the service of police officers has been identified (social status, duration of service, Communist Party membership, data on dismissals or penalties for various violations both during and outside of service). Among the identified problems, we highlight the following: insufficient resources, understaffing, poor training and education of employees, limited office spaces, etc. It should be noted that the problems discussed were widespread, although here they are presented on the example of the functioning of specific units of Leningrad militia. They were systemic in nature and could not be completely resolved. They resulted from ill-conceived and often hasty socio-economic policies implemented with limited resources. The authorities employed a variety of methods to address these challenges. Various political educational programs were conducted for the officers, but they did not have a significant impact on discipline.

Keywords: Industrialization, Leningrad, Leningrad police, crimes committed in the course of one's duties.

For citation: Ratkovsky I. S., Shorikov D. V. Problems in Leningrad Militia's effective organization and ways of solving them in years 1928–1934. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2026; 1 (90):57–64. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.005.

Введение

История советской милиции 1920–1930-х годов неразрывно связана с социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в СССР в этот период. С одной стороны, период НЭПа не мог не оказать влияние на содержание милицейской службы. Это определялось как первоначальной экономией на обеспечении милицейской службы, так и характерными для периода видами преступлений. Отмечался дефицит снабжения и избыток соблазнов в связи с частичной легализацией частного предпринимательства. С другой стороны, милиция, а отчасти и весь Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) РСФСР, стала заложником политических дискуссий. Ее руководство в лице наркома А. Г. Белобородова, а затем, хотя и в меньшей степени, В. Н. Толмачева, принадлежало к оппозиции. Два этих фактора усугубляли друг друга, приводя к остаточному принципу финансирования, как местного, согласно законодательству, так и потенциально республиканского. Результат подобного обеспечения обусловил кадровый дефицит, который плохо сказывался на службе милиции. Это явление характерно для всей территории СССР, в том числе для крупных городов республиканского значения, каким был Ленинград.

Как следствие, профпригодность милицейского состава была крайне низкой, а сам он был социально неоднородным, при этом склонным к дисциплинарным нарушениям (систематическое пьянство, прогулы). Милиция в кадровом отношении была представлена самыми разными социальными категориями населения — бывшими крестьянами, рабочими, служащими, которые по-разному воспринимали несение службы. Неоднородность состава порождала проблему ментального характера, когда люди не всегда правильно осознавали себя как часть правоохранительной системы. Это также вело к снижению уровня эффективности милицейской службы.

Хотя сейчас существует большое количество научных исследований по истории милиции [см.: Еропкин, 1967 ; Биленко, 1972 ; Полубинский, 1987 ; Макеев, 2001 ; Матвеев, 2010 ; Грудинин, 2022], в них указанный аспект, как правило, не рассматривается. В историографии практически отсутствуют работы, которые бы изучали историю милиции в ее повседневной деятельности. Между тем имеется целый комплекс материалов, характеризующих негативные последствия остаточного финансирования для милицейской службы. Они позволяют увидеть, помимо политических, социально-экономические причины переподчинения милиции органам Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) в начале 1930-х годов.

Актуальность заявленной темы заключается в том, что в статье анализируются социально-экономические стороны обеспечения функционирования милиции Ленинграда. Акцент сделан на подготовке кадрового состава ленинградской городской милиции (ЛГМ); анализе снабжения и обеспечения милицейской службы в Ленинграде во второй половине 1920–1934 годов; выявлении проблем в функционировании милиции. В статье привлекаются ранее не введенные в научный оборот архивные материалы, что позволяет более детально рассмотреть деятельность ленинградской милиции в обозначенный период. Предложен анализ деятельности милиции как части советского общества, а не как независимой от общества правоохранительной структуры.

Основная часть

Кадровый дефицит органов милиции в первую очередь определялся низкой зарплатой (следствие местного остаточного финансирования). Приведем цифры довольствия, которые в исследуемый период практически не менялись: начальник общего отдела и райадмотдела — 100 руб., старший милиционер в городе и деревне — 50 руб., делопроизводитель — 45 руб., начальник отдела при фабрике — от 62 до 91 руб., младший милиционер — от 47 до 95 руб., начальник районного отдела уголовного розыска — от 71 руб.; агент — 66 р. Отметим, что зарплата участкового в документах не всегда указывалась, несмотря на присутствие данной штатной единицы [ЦГА СПб. Ф. 6737. Оп. 1. Д. 149. Л. 123]. При этом в среднем по стране зарплата была выше: «по промышленности... в черновых рублях... в 1927 г. — 56 рублей... средний размер зарплаты рабочего в промышленности и на транспорте в 1928 г. — 70,24 руб.» [цит. по: Головин, 2008, с. 179]. Для милиционера же средняя зарплата — от 42–46 руб. в 1927–1928 годах до 55 руб. в 1929–1930 годах [см.: Там же, с. 180]. Разрыв в уровне зарплаты очевиден.

При этом низкое финансирование сказывалось и на обеспечении милицейской службы. Для органов местного правопорядка закупалось недостаточное количество оружия и формы. Исключения касались только отдельных служб или конкретных минимальных запросов. Так, был удовлетворен запрос для сторожевой охраны в получении 2 револьверов и 1 винтовки [ЦГА СПб. Ф. 7137. Оп. 1. Д. 18. Л. 5]. Очевидно, что данная мера имела отношение к повышению степени охраны объекта, не преследуя своей целью выделять оружие милиции для других действий. Иными словами, милиция не обеспечивалась оружием системно.

Бытовые условия милицейской службы находились на таком же низком уровне обеспечения. Несмотря на необходимость специальных помещений для отдыха, они практически отсутствовали или не соответствовали минимальным требованиям. В общем здании (на одном этаже или даже в комнате) могли размещаться мало сочетаемые структуры, что приводило к толчею и неудобствам на работе. В сообщениях сотрудников указывалось, что помещений не хватало, из-за чего часть мероприятий переносилась в коридоры [ЦГАИПД СПб. Ф. 252. Оп. 5. Д. 47. Л. 82]. При этом у различных отделений ленинградской милиции были разные бытовые условия, в частности у 17-го имелся собственный пункт питания, а сотрудники 18-го прикреплялись к столовой. Обеспечение сотрудников милиции средствами первой необходимости, например водой приемлемого качества, постепенно выправлялось, хотя и под нажимом работников. Это было отражено в документах: «Тов. Королев говорит: нужен в дежурной комнате бак с кипяченой водой. В 19 отд. лгм его нет, сотрудники пьют воду из-под крана. Тов. Щербаков возражает: помещение дежурки узкое, не представляется разместить бак. Есть бак на 2 этаже. В итоге, бак поставили» [ЦГА СПб. Ф. 3314. Оп. 1. Д. 843. Л. 2]. Только к середине 1930-х годов удалось добиться определенных сдвигов в вопросе служебных и жилых помещений. К 1933–1934 годам бытовые условия уже отвечали ряду формальных требований.

В то же время проблемой, которая вела к текучке кадров, являлось состояние здоровья сотрудников. Милиционеры работали на износ, с нарушением установленных санитарных норм. Из-за нехватки сотрудников обострялась проблема отдыха милиционеров и предоставления им выходных, что приводило к переработкам, выгоранию и ухудшению эффективности работы: «... нужно в обязательном порядке предоставлять выходной раз в неделю, в декабре такого не делалось. Тов. Щербаков сказал, что по тарифам и спискам все выходные дни уже получены. Постановили, что выходной необходим...» [ЦГА СПб. Ф. 3314. Оп. 1. Д. 843. Л. 2]. Хотя некоторые средства на укрепление здоровья выделялись, их объем часто оказывался минимален. Исключения были редкими. Например, 9 146 руб. было выделено на проведение физкультурных занятий среди сотрудников охраны мест заключения [Там же. Ф. 1000. Оп. 52. Д. 105-1. Л. 27]. При этом мотивы данного финансирования определялись скорее не заботой о здоровье сотрудников, а требованием к усилению охраны заключенных. Системности в разрешении этой проблемы не существовало.

Работа милиционеров предусматривала выезды на места происшествий и задержания. Во время таких эпизодов милиции требовалось медицинское сопровождение, однако, если верить выписке из медицинской комиссии при 19-м отделении ЛГМ, оно имело формальный характер [ЦГА СПб. Ф. 3314. Оп. 1. Д. 843. Л. 1]. Очевидно, что санитарное обеспечение было недостаточным.

Низкая зарплата сотрудников, тяжелые условия работы вызывали целую череду проблем, как следствие, требовательность к кадровому составу милиционеров снижалась. Подобные условия вели к различного рода должностным нарушениям. Все это вместе провоцировало текучку и дефицит кадров. Получался замкнутый круг.

В связи с этим большое значение представляют показатели срока службы милиционеров, свидетельствующие как об их опыте работы, так и о текучке кадров. Характерно, что подавляющее большинство работников ленинградской милиции не имело продолжительного стажа работы. В одном из отделов милиции статистика была следующей: до 1 года службы — 2 человека, 2–3 года — 24 человека, от 3 до 5 лет — 13 человек, 5–10 лет — 11 человек, свыше 10 лет — 4 человека. Что касается социальной принадлежности, то рабочих числилось 28 человек, крестьян — 18, служащих — 14 [ЦГАИПД СПб. Ф. 252. Оп. 5. Д. 14. Л. 3]. При этом показатели различных подразделений ЛГМ часто различались. В отдельных подразделениях текучка кадров была больше. В 5-м отделении наибольшее количество работников было со стажем от 1 года и менее, далее шли работники до 2 лет стажа, а работников с большим сроком службы значилось намного меньше, чем по городу [ЦГАИПД СПб. Ф. 1816. Оп. 1-1. Д. 2636. Л. 2]. Большинство из сотрудников имело низшее образование [Там же, л. 28].

Состав милиции обновлялся по разным причинам: естественная убыль, увольнения по личным обстоятельствам, переход на иное место работы, болезни и т. д. Однако в первую очередь это обуславливалось плохим материальным обеспечением, тяжелыми условиями труда, а также результатами проверок и отбраковок нежелательного социального или непрофессионального элемента.

Дефицит кадров определял уровень требований к вновь поступающим сотрудникам, следствием чего стал низкий профессиональный уровень состава районных подразделений милиции. Целый спектр возникших в связи с этим проблем (усугублявшихся недостаточным финансированием) отражен в делопроизводственных документах ленинградской милиции.

Одна из таковых — пьянство. Из 4-го отделения ЛГМ с 1928–1929 годов по этой причине уволили 9 человек. Помимо этого, двух уволили за кражу, пятерых — за самовольное оставление службы, четверых — за непотребное поведение. Основными установленными нарушениями были пьянство и невыход на службу (прогулы, часто также связанные с пьянством): 92 человека и 179 человек соответственно [ЦГА СПб. Ф. 4621. Оп. 1. Д. 3366. Л. 7, 9]. Возможно, что пьянство и прочие негативные явления в конкретном случае определялись составом работников отделения, в котором числились преимущественно лица крестьянского происхождения: выходцев из крестьян было 75 против 32 служащих и 42 рабочих [Там же, Л. 9, 14, 16, 20]. Так, социальный состав способствовал высоким показателям пьянства. В 20-ом отделении ЛГМ за пьянство было уволено 14 человек, за невыход — трое. В целом было зафиксировано 49 случаев пьянства и 79 невыходов на службу.

Можно привести интересные подробности последствий одной из пьянок, имевшей отношение к милиционерам: «23 ноября 1932 г. в 21 час Крылов увидел, проходя по каменному мосту, как Сычев (позднее оказался сотрудником 17 лгм) в состоянии опьянения тащит в участок также пьяного. Сычев препятствовал Крылову в том, чтобы сообщить в отделение о его, Крылова, состоянии, кричал на него, угрожал». В итоге действия Крылова были признаны дискредитирующими рабоче-крестьянскую милицию, П. Г. Сычеву объявлен строгий выговор [ЦГА СПб. Ф. 4621. Оп. 1. Д. 3366]. Ситуация комичная, но она фиксирует проблему пьянства и сокрытия этого явления применительно к своим сотрудникам.

Многочисленные случаи пьянства сотрудников увольняли. Особое внимание было к милиционерам-партийцам. После предварительного обсуждения на партсобраниях их отстраняли от работы или переводили на другие должности. Беспартийные милиционеры, которые составляли большинство, получали выговор. Это приводило к новым массовым правовым нарушениям со стороны милиционеров. Работа милиции «на земле» подвергалась обжалованию. Сотрудники, по мнению граждан, часто нарушали законодательство. В качестве иллюстрации можно привести следующий документ: «Заявление-жалоба гр. Иванова на неправильные действия сотрудников 5 отд. лгм. Был остановлен Алексеевым за нарушение правил ПДД: переход в неположенном месте. Алексеев предложил Иванову уплатить штраф, гражданин отказался, документов при себе не имел. Оба (их было двое, отец и сын) доставлены в отделение. Там Иванов и его сын были осви-

детельствованы. Грубости со стороны милиционеров Кузнецова и Алексева не было. Нарушители после установления личности были отпущены» [ЦГА СПб. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 2144. Л. 78, 84]. Подобные случаи не единичны.

Следующая проблема заключалась в низком уровне образования сотрудников милиции. Исключения, хотя и с оговорками, были. В данном случае это более характерно для членов партии. Например, Яковлев, член ВКП(б), из рабочих, окончил Высшую партийную школу ОГПУ. Лупандин, член ВКП(б), из служащих, имел за собой 2 курса рабфака Ленинградского университета. Кадилов, член ВКП(б), рабочий по происхождению, прошел общие образовательные курсы. Сергеев, из беспартийных служащих, закончил школу 2-й ступени. Сорокин, член ВКП(б), имел низшее образование (это усредненный уровень образования партийных сотрудников) [ЦГА СПб. Ф. 2403. Оп. 4. Д. 1. Л. 67]. Уровень образования низового беспартийного милиционерского состава был гораздо хуже, особенно выходцев из крестьян.

В высших учебных заведениях Ленинграда сотрудники проходили повышение квалификации. В документах одного из отделений ленинградской милиции указывалось, что в 1932/1933 учебном году 14 человек отправили учиться на вечернее отделение Ленинградского института советского права [ЦГА СПб. Ф. 2403. Оп. 4. Д. 1. Л. 67]. Например, член ВКП(б) Ермолаев был отправлен на рабочее вечернее отделение на общие образовательные курсы [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 1в. Д. 684. Л. 3]. Заметим, что на курсы отправляли сотрудников не только милиции, но и уголовного розыска [Там же. Ф. 1652л. Оп. 1. Д. 152. Л. 35]. Улучшалась подготовка кадров, усиливалась переподготовка, проводилось дальнейшее «орабочивание» личного состава (принятие в состав милиции выходцев из рабочих, в идеале — с дореволюционным рабочим стажем) для улучшения контакта с фабрично-заводскими массами [ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 52. Д. 105-1. Л. 50, 55, 60–61, 73].

Однако по-прежнему частой была низкая заинтересованность в получении образования или повышении его уровня. Отчасти это определялось тем, что образование шло за счет дефицитного для милиционеров личного времени. Отсюда — фиксируемые нарушения учебного процесса. Например, в Ленинградском университете на слушателя факультета государственного права Чиковани было заведено дисциплинарное дело. При этом позднее он угрожал члену коллегии защитников Турбовичу и председателю президиума защитников Овсянникову. Дела особой важности в отношении подобных «студентов» передавали в ОГПУ [ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 52. Д. 105-1. Л. 1–2, 19].

Чтобы те, кого отправили на повышение образовательного уровня, не попали, по мнению руководства, под чуждое влияние, за местами образования следили уполномоченные органы. Кроме того, находившиеся на обучении сотрудники также сигнализировали о «чуждом элементе»: «Начальнику ОГПУ Лен. инст. Права, Кульжинская Ольга Степановна, сотрудница библиотеки, чуждый элемент. Знакома с белогвардейцами, лично с женой Врангеля, до Революции имела свою гимназию! При работе в библиотеке занимается вредительством, препятствует учебе, не выдает книги студентам, ссылаясь на то, что они отданы в переплет. На основании вышеизложенного просим принять меры. Подпись: Степанов нач. хоз. части» [ЦГА СПб. Ф. 2403. Оп. 4. Д. 1. Л. 70]. Речь шла об О. С. Кулжинской, в первый раз арестованной еще в 1919 году. Этот и другие доносы предназначались не для милиции, а для ОГПУ. Отметим, что подобный случай демонстрирует определенный классовый подход милиционеров к обучению, часто воспринимаемому критически, поскольку обучение велось классово чуждым элементом.

В результате низкого уровня образования, часто — низкоквалифицированного подбора кадров, ухудшалось качество работы милиции. Открытая критика органов милиции в указанный период была затруднена и встречается только в редких газетных статьях. В дошедших же до нас документах для служебного пользования госорганов она присутствует. «Ленинградский обл. адм.отдел приходит к выводу, что раскрываемость мелких дел, важных для крестьянства, стоит на недостаточном уровне. Для улучшения предлагается разгрузить перегруженных участков милиционеров. Передать руководство за дознанием и наблюдением за правонарушителями агентам УГРО при РАО. Наблюдение должно быть систематическим. Указания агентов для милиционеров должны быть обязательны» [ЦГА СПб. Ф. 6737. Оп. 1. Д. 141. Л. 31].

В теории повышенные требования и высокие планки кадрового отбора предпринимались для исключения попадания «нежелательных элементов» в правоохранительные органы. Однако из-за дефицита кадров требования набора не соблюдались. Приведем в качестве примера работника милиции Духовщина, который имел судимость за хулиганство (3 года), за что позднее был уволен [ЦГА СПб. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 253. Л. 7].

Выдвигались предложения о путях ликвидации перечисленных выше недостатков: «1) периодические доклады о трудовой дисциплине; 2) вокруг нарушителей развернуть критику, в особых случаях исключать из союза; 3) командирам шире применять меры воспит. характера, а также поощрять лучших; 4) поднятие культ. уровня, улучшать работу с населением» [ЦГА СПб. Ф. 4621. Оп. 1. Д. 3739. Л. 2]. Изживание деструктивных явлений проходило на протяжении всего обозреваемого периода; ситуация существенно улучшится только после 1934 года.

Очевидно, что предполагалось сначала подтянуть партийный милицкий актив, а вслед за ним и низовой состав милиции. Поэтому особое внимание уделялось партийному составу милиции, хотя и здесь само членство в партии иногда носило формальный характер. При посещении партийных заседаний и партшкол, ячеек милиции случались опоздания на 30–40 минут или приход заранее и уход до начала занятий. В документах указывалось, что постоянно и регулярно на заседания являлось только 6–7 человек. Люди не приносили с собой учебники, ручки, карандаши, уровень пройденной ими программы оценивался в 50 % [ЦГАИПД СПб. Ф. 1652л. Оп. 1. Д. 152. Л. 9]. Эти факты говорят о слабой мотивированности сотрудников милиции присутствовать на подобных мероприятиях.

На партийных заседаниях отделов милиции в начале 1930-х годов нередко рассматривался вопрос о милиционерах. Мерами партийных взысканий становилось исключение из состава партии или перевод из членов в кандидаты [ЦГАИПД СПб. Ф. 432. Оп. 2. Д. 576. Л. 6]. «30-ое заседание. Состав ячейки 115 членов ВКП(б): 13 кандидатов. Из кандидатов в члены перевести троих. На 36 чел. наложено взыскание, 2 переданы дела в комиссию на исключения». Имели место быть случаи ликвидации ячеек: «С нарушителями дисциплины бороться беспощадно, таковой практики мало. Одно бюро ячейки пришлось распустить. 14 исключены из партии, 1 строгий выговор с предупреждением. Строгих выговоров 5, выговоров — 11, а также 11 — поставлено на вид» [Там же. Ф. 1816. Оп. 1-1. Д. 1360. Л. 5]. Данные сведения можно дополнить: «17 отд. лгм в 1929 г. проведена чистка в рядах милиции... также вопрос освещен в стенгазете» [Там же. Ф. 252. Оп. 5. Д. 14. Л. 2]. Случались и курьезные случаи. Василия Владимировича Владимировича исключили из партии в 1933 году, так как он устава партии не читал и даже не видел и не знает, что это. Более того, он не знал, что такое «совет», и не имел ни малейшего понятия о партийных вопросах [Там же. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 354. Л. 1, 5].

Если анализировать итоги проверок милиции по партийной линии в 1930 году, то в документах зафиксировано следующее: передан в контрольную комиссию товарищ Иванов из 17-го отделения ЛГМ за неуставное поведение на посту; сформированы два политических кружка по текущей политике; созданы кружки по колхозному строительству среди беспартийных из-за большого количества крестьян (задача кружков заключалась в изучении статьи Сталина «Головокружение от успехов») [ЦГАИПД СПб. Ф. 252. Оп. 5. Д. 22. Л. 3, 24]. Кроме того, по отношению к 16-му отделению ЛГМ требовались новые чистки [Там же. Ф. 433. Оп. 1. Д. 9129. Л. 3].

Все вышеприведенное не означает, что сотрудники с трудом проходили чистки — часто к их биографиям не имелось серьезных нареканий: «Тов. А. Т. Ермаков, партстаж с 1926 г., соц. происхождение — крестьянин, отец батрак, с 13 лет на разных фабриках, в настоящее время караульный начальник, в белых не служил, с 1928 г. в милиции. Вопросы: знал ли меньшевиков? Знал Багрова. Был ли в партии меньшевиков? Нет. Есть колебания? Нет. Связь с деревней отсутствует. Вывод: тов. Ермаков проверен, изжить безграмотность» (20-е отделение ЛГМ, 1928 год) [ЦГАИПД СПб. Ф. 432. Оп. 1. Д. 4390. Л. 5].

Вопросы из приведенного документа носили стандартный характер. Опрос старались проводить усреднено, без излишних придирок. При негативных ответах/сведениях следовала соответствующая реакция, однако организовать массовую проверку всех связей сотрудников не представлялось возможным. Явная ложь привлекала дополнительное внимание и, как следствие, дополнительные вопросы и проверки. Вопросы к сотрудникам, возникшие в ходе проверок, редко приводили к увольнениям или каким-либо серьезным последствиям. Чаще всего сотрудника ставили на вид, что могло иметь негативные последствия при каких-либо правонарушениях. Однако чаще это оборачивалось простой формальностью, и провинившийся продолжал трудиться.

Проводилась чистка и низового непартийного состава милиции. «Тов. Дальмана было решено оставить служить. Тов. С. И. Мишулков получил выговор за пьянство. Был поставлен вопрос, имеет ли он связь с крестьянством». Систематически уходил с поста Ковалев, за что «был вычищен по 3 группе», и т. д. В целом работа отделений признавалась удовлетворитель-

ной, предлагалось усилить борьбу с нарушителями, а также с азартными играми и шинкарством. Помимо этого, надлежало установить при отделах телефоны общего пользования [ЦГАИПД СПб. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 4, 4 об., 5 об., 10–11, 13 об., 14–15 об.].

Также существовали попытки использовать общественную инициативу населения. Людей привлекали к помощи милиции, так как, во-первых, личного состава всегда не хватало, во-вторых, участие общественности способствовало профилактической работе, а в-третьих, это было необходимо в рамках социальных реалий начала 1930-х годов. В СССР подобная практика являлась поощряемой формой деятельности. Такая мера могла бы положительно сказаться на проблемах нехватки сотрудников, а также способствовать борьбе с антисоциальными элементами. Сам принцип по привлечению населения к помощи сотрудникам правопорядка естественен, хотя, конечно, не во всех видах деятельности милиции возможен. Заметим, что заинтересованность людей в помощи сотрудникам правоохранительных органов повышает эффективность их участия; без нее сотрудничество превращается в формальщину, что зафиксировано в следующем обращении: «Товарищи. На разосланные предложения о широком вовлечении рабочих масс в борьбу с проституцией со стороны многих рабочих заводских и общественных организаций не получено никакого ответа. И представители в рай совещании [неразборчиво] по борьбе с проституцией не выделены. Вполне понятно, что плодотворной работы без широкого участия рабочих масс ожидать нельзя. Поэтому президиум еще раз обращается к вам с просьбой о выделении представителя и прислать на пленум во вторник 2-го апреля в 5 ч. дня... Выделенный тов. должен быть постоянным, иначе сложно работать...» [ЦГАИПД СПб. Ф. 252. Оп. 5. Д. 15. Л. 1]. Безусловно, данная мера также не решала всех проблем.

Заключение

Большая часть проблем, таких как пьянство, недисциплинированность, непрофильная деятельность, недостаточное снабжение и т. д., постепенно, хотя и не так быстро, как хотелось, все же решалась. Не все напрямую зависело от сотрудников и не все могло быть оперативно решено начальством и ведомством. Многие из проблем носили системный характер, и их решение было достигнуто намного позже.

Руководство страны пыталось найти способы выйти из кризиса, который наметился в органах внутренних дел во второй половине 1920-х годов. Чаще всего методами преодоления проблем были дополнительное, но ситуативное финансирование или наем новых сотрудников на замену тех, кто по каким-либо причинам утратил доверие и был уволен. Насколько эффективной была кампания по очистке милиции в конце 1920-х — начале 1930-х годов, судить сложно, однако с определенной уверенностью можно говорить, что милиция в 1928–1934 годах проходила период трансформации своего функционала. Развитие этого будет заметно и в дальнейшем.

Перевод милиции в подчинение ОГПУ и, соответственно, централизованное, а не местное финансирование, улучшили ситуацию. Для дальнейшего повышения эффективности деятельности, согласно представителям органов милиции, необходимо было проработать передачу мелких дел, уменьшить параллелизм в работе уголовного розыска и народных следователей. В целом же в органах милиции была предпринята попытка перехода в то состояние, которое могло ответить на будущие вызовы. Очевидно, что без изменений начала 1930-х годов советская милиция не смогла бы выполнить свои задачи в тяжелых условиях Великой Отечественной войны.

Список источников

1. Биленко С. В. Этапы развития советской милиции / под ред. А. К. Стальгевича. — М., 1972. — 54 с.
2. Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX в. // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. — 2008. — № 66. — С. 177–186.
3. Грудинин Н. С. Преступность женщин и несовершеннолетних в России: история и современность. — М. : Проспект, 2022. — 128 с.
4. Еропкин М. И. Развитие органов милиции в Советском государстве. — М., 1967. — 87 с.
5. Макеев В. В. История милиции Российской Федерации (1917–1934 гг.). — Ростов н/Д. : РЮИ МВД России, 2001. — 263 с.
6. Матвеев С. Е. Организация и деятельность правоохранительных органов в приграничных районах Северо-Запада России в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. — Саратов, 2010. — 38 с.

7. Полубинский В. И. Из истории советской милиции. — М. : Знание, 1987. — 62 с.
8. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). — Ф. 1000. — Оп. 52. — Д. 105-1 ; Ф. 1027. — Оп. 1. — Д. 253, 2144 ; Ф. 2403. — Оп. 4. — Д. 1 ; Ф. 3314. — Оп. 1. — Д. 843 ; Ф. 4621. — Оп. 1. — Д. 3366, 3739 ; Ф. 6737. — Оп. 1. — Д. 149 ; Ф. 7137. — Оп. 1. — Д. 18.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД СПб). — Ф. 24. — Оп. 1в. — Д. 684 ; Ф. 252. — Оп. 5. — Д. 14, 15, 22, 47 ; Ф. 432. — Оп. 1. — Д. 4390 ; Оп. 2. — Д. 576 ; Ф. 433. — Оп. 1. — Д. 9129 ; Ф. 1652л. — Оп. 1. — Д. 152 ; Ф. 1816. — Оп. 1-1. — Д. 1360, 2636 ; Ф. 1888. — Оп. 1. — Д. 19, 354.

References

1. Bilenko S. V. *Etapy razvitiya sovetskoy militsii* [Stages in development of the Soviet Militia]. Ed. by A. K. Stalgevich. Moscow, 1972, 54 p. (In Russian)
2. Golovin S. A. Property differentiation of population incomes in the USSR in the 1920s–1930s. *Izvestiya RGPU imeni A. I. Gertsena* [Bulletin of A. I. Herzen State Pedagogical University]. 2008, iss. 66, pp. 177–186. (In Russian)
3. Grudinina N. S. *Prestupnost zhenshchin i nesovershennoletnikh v Rossii: istoriya i sovremennost* [Crime among women and minors in Russia: history and modernity]. Moscow, Prospekt Publ., 2022, 128 p. (In Russian)
4. Erokin M. I. *Razvitiye organov militsii v Sovetskom gosudarstve* [Development of Militia in the Soviet State]. Moscow, 1967, 87 p. (In Russian)
5. Makeev V. V. *Istoriya militsii Rossiyskoy Federatsii (1917–1934 gg.)* [History of the Militia in the Russian Federation (1917–1934)]. Rostov-on-Don, Russian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2001, 263 p. (In Russian)
6. Matveyev S. E. *Organizatsiya i deyatelnost pravookhranitelnykh organov v prigranichnykh rayonakh Severo-Zapada Rossii v 1920–1930-ye gg.* [Organization and activities of law enforcement agencies in the border regions of northwest Russia in the 1920s–1930s]: diss. abstract of ... doctor of history: 07.00.02. Saratov, 2010, 38 p. (In Russian)
7. Polubinsky V. I. *Iz istorii sovetskoy militsii* [From the History of Soviet Militia]. Moscow, Znanie Publ., 1987, 62 p. (In Russian)
8. *Tsentrálny Gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)* [Central State Archives of St. Petersburg (TsGA SPb)]. F. 1000. Op. 52. D. 105-1; F. 1027. Op. 1. D. 253, 2144; F. 2403. Op. 4. D. 1; F. 3314. Op. 1. D. 843; F. 4621. Op. 1. D. 3366, 3739; F. 6737. Op. 1. D. 149; F. 7137. Op. 1. D. 18. (In Russian)
9. *Tsentrálny gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov (TsGAIPD SPb)* [Central State Archive of Historical and Political Documents (TsGAIPD SPb)]. F. 24. Op. 1v. D. 684; F. 252. Op. 5. D. 14, 15, 22, 47; F. 432. Op. 1. D. 4390; Op. 2. D. 576; F. 433. Op. 1. D. 9129; F. 1652l. Op. 1. D. 152; F. 1816. Op. 1-1. D. 1360, 2636; F. 1888. Op. 1. D. 19, 354. (In Russian)

Информация об авторах

Ратьковский Илья Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета.

Сфера научных интересов: история государственных органов истории России, история России XX века, сталинизм.

Шориков Дмитрий Владимирович — магистрант кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета.

Сфера научных интересов: история государственных органов истории России.

Information about the authors

Ratkovsky Ilya Sergeevich — candidate of history, associate professor at the department of Modern Russian History, St. Petersburg State University.

Research interests: history of state institutions in Russia, history of 20th-century Russia, Stalinism.

Shorikov Dmitry Vladimirovich — master's student at the department of Modern Russian History, St. Petersburg State University.

Research interests: history of state institutions in Russia.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; принята к публикации 12.01.2026.

The article was submitted 24.11.2025; accepted for publication 12.01.2026.